

- В четвёртый кто крайний?
- Здесь очередь по талонам. У Вас какой номер?
- Пятнадцатый.
- За мной держитесь. Четырнадцатого пока нет, а мой номер тринадцатый! – отозвалась пожилая женщина, занимавшая крайнее к проходу кресло.

На одинаковых коричневого цвета дверях кабинетов с 4-го по 9-й, обрамлённых в коричневого цвета наличники, висели белые таблички с одинаковыми надписями, напечатанными синим шрифтом – «Врач-онколог»...

Дверь одного из кабинетов широко распахнулась. Из него вышла, поддерживаемая с обеих сторон мужчиной и пожилой женщиной, молодая особа лет тридцати пяти. Высокая, статная. Только восковая бледность лица и усталость в глазах говорили о её состоянии. И без того редкие беседы очередников умолкли. Невесёлая процессия, сопровождаемая сочувствующими взглядами, в полной тишине медленно проследовала к выходу из отделения. Лишь шелест голубого целлофана бахил о покрытый керамогранитной плиткой пол и сдавленные постанывания больной нарушали покой...

Когда минутная стрелка догнала часовую в верхней точке циферблата, из 4-го кабинета вышла медсестра. Она держала в руках несколько разноформатных листочков бумаги. Из общей очереди отделилась группа пациентов без талонов и обступила её у двери кабинета. Медсестра водрузила на переносицу очки в тонкой бордовой оправе и, называя фамилии пациентов, вручала им справки, сопровождая их устными разъяснениями и рекомендациями.

Немолодая женщина, лет шестидесяти, в серой наглухо застёгнутой на все пуговицы вязаной кофте, получив справку, присела на край свободного кресла. Она внимательно изучила назначения, написанные в справке, негромко поддакивая и кивая головой.

– Ну!.. Всё понятно! – заключила она, аккуратно сложив пополам бумажку, и спрятала её в своей дамской сумочке, – всё будет хорошо!

Женщина встала, расправила складки на одежде, закинула ручки сумочки на сгиб локтя и назидательным тоном произнесла, обращаясь к очередникам:

– Самое главное, никогда не слушайте, что говорят в очередях! Вставьте в уши... ну эти...

– Беруши?

– Наушники! – вспомнила она вертевшееся на языке слово, – лучше слушайте приятную музыку. И делайте то, что говорят врачи. И всё будет хорошо!..

– Что ж так долго-то? – нетерпеливо ёрзая в кресле, пробурчала сухопарая бабулька в очках и в цветастой косынке, повязанной узлом на затылке, – с утра здесь сажу, а уж обед скоро!.. Как же долго она принимает...

Потом прозвучала длинная раздражённая тирада о бесполезности лечения и необратимом конце, о некомпетентности врачей её участковой поликлиники и медицинской науке вообще, которая никак не может придумать волшебную пилюлю от рака... Всё это щедро сдабривалось крепкими и не совсем цензурными выражениями. Ей охотно поддакивала соседка, костеря на чём свет стоит и своих эскулапов и сетуя на превратности судьбы.

– Ну что Вы так переживаете! Пройдёте «химию», сделают Вам операцию и всё будет хорошо!

– Мне уже 77 лет! – не унималась бабулька, аж с кресла подскочила, – у детей уже внуки пошли! Всё! Жизнь прожита! Чего ради так мучиться-то?!

– Да хотя бы ради вот этих своих правнуков!..

Но когда над дверью в 4-й кабинет загорелась лампочка под зелёным плафоном с белой надписью «Входите», бабульку словно подменили. Втянув голову в плечи, она, чуть слышно испросив разрешения войти, юркнула в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь...

Сколько людей в этих очередях в кабинеты с синей надписью на белой табличке, столько и историй болезни.

Нет! Не так! Не историй болезни, а историй борьбы с ней...

– Болезнь не здесь! – сказала Надя, уже девять месяцев борющаяся с ней, приложив руку к груди. И постучав подушечками пальцев по голове, на которой совсем недавно начали густо отрастать тёмно-рыжие волосы, взамен выпавшим после нескольких курсов химиотерапии, добавила:

– А здесь!..

На освободившееся кресло под села татарочка Аниса. Из-под белой вязаной шапочки виднеются короткие пряди пепельно-седых волос. Морщинки в уголках глаз и пересекающие открытый лоб выдают её солидный возраст. В августе прооперировали, но после лучевой терапии опухоль начала развиваться совсем в другом месте.

– Здравствуйте! – молодая полноватая круглолицая женщина, с короткой стрижкой каштановых волос, радостно поприветствовала Анису и грузно приземлилась на соседнее с ней кресло. – Как Ваши дела?

– Здравствуйте, Света! – Аниса улыбнулась своей бывшей соседке по послеоперационной палате. – Всё хорошо! Вы-то как?

– Да вот! На «химию» хожу, ещё два курса осталось...

Со стороны «начинающих» очередников посыпались вопросы о том, как переносится та или иная терапия, как проходят операции и реабилитация после них...

Аниса и Света охотно делились своим богатым опытом. У каждой за спиной были и множественные курсы «химии», лучевой и гормональной терапии, съедены горы таблеток и пилюль, сдано море крови на анализы, проведено не одно обследование всех систем организма и, наконец, сделаны операции. Они хвалили условия содержания в стационаре, хорошее питание и внимательность персонала. Тепло они отзывались и о высоком профессионализме лечащих врачей, а в особенности хирургов.

Конечно, и у них бывали и минуты отчаяния, отчего опускались руки, и поменялось немало наволочек на подушках, мокрых от слёз... Но рассказывали они о том, что пришлось пережить с юмором, не теряя присутствия духа, заряжая окружающих своим оптимизмом и вселяя в них надежду на то, что болезнь всё-таки может отступить и знак равенства в этой злосчастной формуле можно перечеркнуть.

Особенно они «веселились» по поводу выпавших после химиотерапии волос в самых неожиданных местах на теле, а потом их бурного роста в тех же самых местах.

Также было и у неунывающей, жизнерадостной блондинки Наташи.

После первого курса «химии» волосы начали стремительно терять свои жизненные силы, спутываться и ломаться. Пришлось поступить с ними кардинально – остричь «под ёжик».

– Мамочка! А почему ты так коротко постриглась? – спросила её четырёхлетняя дочурка, обхватив маленькими ручонками шею и прижавшись щёчкой к щеке матери, по которой предательски катилась слеза.

– Так сейчас модно! – ответила Наташа, прикусив чуть не до крови губу, чтобы сдержать вырывающиеся из груди ры-

дания, разглаживая вьющиеся длинные волосики на голове своей дочери...

Из гардеробной вышла женщина. Та, что говорила о вреде разговоров в очередях. Она подошла к свободному креслу и поставила на него свою сумочку. Подправила белый вязаный берет, подтянула под самое горло «молнию» на стального цвета осенней куртке. Тепло попрощалась с «очередниками», остающимися в ожидании приёмов и консультаций:

– Всем удачи! Выздоровливайте! До свидания!

– Спасибо! И Вам всего доброго! До свидания! – многоголосно ответила ей очередь.

Женщина сделала несколько шагов гусиной походкой, грузно переваливаясь с боку на бок, и остановилась.

– Всё будет хорошо! – негромко произнесла она, выделяя каждое слово, обращаясь не столько к окружающим, сколько к самой себе.

Расправила плечи, выпрямила спину и, приподняв подбородок, более уверенным шагом бодро пошла к выходу...